

СОЦИОЛОГИЯ · SOCIOLOGY

Вестник МИРБИС. 2021. № 1 (25): С. 206–214.

Vestnik MIRBIS. 2021; 1(25): 206–214.

Научная статья

УДК 304.44: 35.078

DOI: 10.25634/MIRBIS.2021.1.25

Межсекторное взаимодействие: власть и общество (методологические аспекты)

Владимир Борисович Зотов^{1,2}, Кристина Олеговна Терехова^{1,3}

1 Государственный университет управления (ГУУ), Москва, Россия

2 zotov-vladimir@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6509-5344>

3 79154056419@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3808-1665>

Аннотация. Развитие межсекторного взаимодействия выступает в современных условиях принципиально новым ресурсом повышения эффективности общественной стабильности и решения наиболее актуальных, социально значимых задач. В статье рассматриваются основные проблемы и методологические аспекты межсекторного взаимодействия с акцентом на двухсекторном взаимодействии между органами власти и обществом. Аргументируется необходимость перехода от модели созависимости секторов, наиболее распространенной в российских регионах, к модели социального партнерства и солидарной ответственности, а также выделяются наиболее актуальные механизмы взаимодействия органов государственной власти и НКО на местах при решении наиболее острых социальных проблем. Рассматриваются наиболее задействованные механизмы, а также инструменты, внедрение которых может продемонстрировать ресурсную перспективность на местах. Анализируются основные формы поддержки при реализации двухсекторного взаимодействия и условия, позволяющие повысить качество и технологичность социального партнерства между властью и обществом.

Ключевые слова: власть, гражданское общество, межсекторное взаимодействие, межсекторное социальное партнерство, социальное управление, двухсекторное взаимодействие, модели межсекторного взаимодействия, механизмы межсекторного взаимодействия, технологии межсекторного взаимодействия.

Для цитирования: Зотов В. Б. Межсекторное взаимодействие: власть и общество (методологические аспекты) / В. Б. Зотов, К. О. Терехова // Вестник МИРБИС. 2021;1(25): 206–214. DOI: 10.25634/MIRBIS.2021.1.25

Original article

Cross-sectoral interaction: power and society(methodological aspects)

Vladimir B. Zotov^{4,5}, Kristina O. Terekhova^{4,6}

4 State University of Management (SUM), Moscow, Russia.

5 zotov-vladimir@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6509-5344>

6 79154056419@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3808-1665>

Abstract. The development of inter-sector interaction acts in modern conditions as a fundamentally new resource for increasing the effectiveness of social stability and solving the most pressing, socially significant problems. The article examines the main problems and methodological aspects of intersectoral interaction, with a focus on the two-sectoral interaction between authorities and society. The need to move from the model of sector co-dependence, the most common in the Russian regions, to the model of social partnership and solidarity responsibility was argued, and the most relevant mechanisms for interaction between public authorities and NGOs as the main representatives of civil society on the ground in solving the most acute social problems were highlighted. The most involved mechanisms were being considered, as well as tools whose implementation could demonstrate a local resource perspective. The main forms of support in the implementation of the two-sector interaction and conditions allowing to improve the quality and technological effectiveness of social partnership between the government and society are analyzed.

Key words: authority, civil society, cross-sector interaction, intersectoral social partnership, social governance, two-sector interaction, inter-sector interaction models, inter-sector interaction mechanisms, inter-sector interaction technologies.

For citation: Zotov V. B. Cross-sectoral interaction: power and society (methodological aspects). V. B. Zotov, K. O. Terekhova. *Vestnik MIRBIS*. 2021; 1(25): 206–214. (In. Russ.). DOI: 10.25634/MIRBIS.2021.1.25

Одним из важнейших условий эффективно-го социально-экономического развития любого государства и его территорий в современных условиях выступает результативное взаимодействие органов власти, гражданского общества и бизнес-структур [Киричек, 2015, с. 35]. Нельзя не признать тот факт, что за последние десятилетия осуществлено коренное концептуально-методологическое и во многом практическое преобразование государственного сектора, который в советский период занимал монопольную позицию по отношению к управлению социальной сферой. В значительной степени трансформировалась социальная структура общества, началось развитие институтов гражданского общества, в первую очередь некоммерческого сектора — общественных, благотворительных и другого рода организаций, движений и т. д., деятельность которых базируется на социальных гражданских инициативах.

Выделение трех независимых секторов, каждый из которых обладает специфическими ресурсами, выступает одной из определяющих черт социального государства. Власть, бизнес и общество, взаимодействуя друг с другом, способны развивать социальные отношения российских регионов как в текущих условиях, так и стратегической перспективе [Сидорова, 2009, с. 5]. Хотя при этом следует признать, что важнейшая функция институтов гражданского общества — «привлечение к различным формам управления в муниципалитетах, городах, регионах, контроль за деятельностью органов исполнительной власти, содействие самоорганизации граждан для решения социальных проблем на местах» — пока остается в отечественных условиях, по оценкам экспертов [Киричек, 2017, с. 45], еще недостаточно развитой. Хотя при этом и во многих регионах страны активно развиваются различные механизмы межсекторного взаимодействия между властью и обществом как потенциальный ресурс для более результативного достижения социальных целей управления, методологически и практически сфокусированных на непосредственных нуждах местного населения.

Многие сохраняющиеся проблемы межсекторного взаимодействия власти и общества на местах сегодня связаны, прежде всего, с историческими причинами. Никакое эффективное межсекторное взаимодействие невозможно при отсутствии устойчивой нацеленности на подобное взаимодействие всех секторов и совпадающего ценностного базиса, их приоритетов, сложившихся традиций и условий сотрудничества как на федеральном, так и региональном, местных уровнях. В особенности остро эта проблема стоит в области реализации основ взаимодействия власти и общества.

Некоммерческий сектор для России остается еще относительно новой сферой, не имеющей такой длительной истории и сложившейся методологии взаимодействия с властью, которая свойственна подобным структурам за рубежом. Его развитие началось в конце 80-х гг. XX в., но наибольшую активность приобрело преимущественно в первых годах XXI столетия. В силу этого проблема взаимодействия властных структур и институтов гражданского общества возникла также сравнительно недавно. Российскому обществу потребовались десятилетия, чтобы прийти к осознанию необходимости и научиться за счет собственных усилий обеспечивать формирование, жизнеспособность общественных организаций как ресурсов взаимодействия с властью в совместной целенаправленной общественно-полезной деятельности. Государственному сектору нашей страны также понадобились годы, чтобы принять новую роль и позицию институтов гражданского общества как отдельного сектора, способного на масштабное, профессиональное сотрудничество и играющего значительную роль в социальных преобразованиях — их планировании и реализации как в краткосрочном, так и долгосрочном периодах.

Очень часто из-за сложившегося на протяжении многих десятилетий государственного паттерна отношение к гражданскому сектору редуцировалось до восприятия его представителей как просителей отдельных благ — субсидий, грантов, льгот, дотаций, помещений для реализации своей деятельности, направленной на решение узких вопросов социальной сферы, простейшие задачи и проекты. Из-за относительной неразвитости и

сами представители институтов гражданского общества, в особенности на местах, во многом способствовали подобной ситуации, изначально дистанцируясь от органов власти в опасении за независимость собственной деятельности и принимаемых решений. Безусловно, в подобных условиях достаточно трудно вести речь об эффективном межсекторном сотрудничестве органов власти и российского общества [Социальные технологии..., 2018, с. 19]. Актуальные исследования специалистов [Куликова, 2015] свидетельствуют, что его также осложняют и такие проблемы, как: недостатки прозрачности, подотчетности, развитой методологии и практик результативного управления и частая бессистемность деятельности в некоммерческом секторе; относительно низкий уровень гражданской активности и добровольного участия граждан в деятельности НКО (волонтерство и др.), низкая социальная активность населения; низкий уровень развития горизонтальных связей в сфере НКО; недостаточная информированность населения о ресурсах и возможностях институтов гражданского общества в решении социальных проблем и исторически сложившееся недоверие общества к подобным, новым для него структурам; недостаточность усилий самих представителей гражданского сектора в транслировании информации о своей деятельности заинтересованным сторонам; отсутствие саморегулирования внутри гражданского сектора и недостаток взаимодействия между общественными организациями и т. д.

Межсекторное взаимодействие с позиции процессуального подхода основывается «на ключевых принципах социального партнерства, социальной консолидации различных социальных слоев и групп» [Киричек, 2015; Киричек, 2017; Куликова, 2015]. Это «конструктивное, целенаправленное, выгодное участникам и населению взаимодействие государственного, некоммерческого и коммерческого секторов общества при решении социальных задач, достижении социально значимых целей, обеспечивающее синергетический эффект от сложения потенциалов каждой из сторон», среди которых в нашей статье особое внимание уделяется рассмотрению двух первых из перечисленных выше (двухсекторное партнерство в диаде «власть — общество») [Куликова, 2015; Грищенко, 2020]. При этом мы исходим из убеждения, что система взаимосвязи органов государственной и муниципальной власти и ин-

ститутов гражданского общества в то же время не может рассматриваться как «конечный пункт» подобной консолидации ресурсов, а скорее, как динамично изменяющийся организм, представляющий собой симбиоз из «непрерывно развивающихся социально-экономических, социально-политических, социально-правовых моделей, механизмов и технологий», а также своеобразных для каждого из секторов активов, которые в совокупности могут быть эффективно использованы для совместного решения сложных социальных проблем, и солидарной ответственности представителей всех секторов, выступающих партнерами при решении той или иной значимой проблемы [Киричек, 2017; Intersectoral Cooperation, 2000].

Двухсекторное взаимодействие может быть положено в основу реализации масштабных проектов национального уровня по наиболее социально значимым вопросам. Однако можно сказать, что для России в данный момент преобладающим в данном контексте является, скорее, локальный уровень (чаще всего — город, муниципальное образование) в процессе решения определенной социальной проблемы. Для государственного сектора налаживание устойчиво функционирующих механизмов взаимодействия с местным сообществом обеспечивает не только успешное «делегирование части социальных обязательств», и издержек на поиск их эффективного решения, но и «усиление легитимности через совместную разработку и имплементацию элементов социальной политики» [Грищенко, 2020, с. 34] совместно с напрямую заинтересованными и, как правило, имеющими на местах более глубокое знание ситуации и социальных проблем представителями институтов гражданского общества. Последние, в свою очередь, получают дополнительные ресурсы для реализации уставных целей социально-ориентированного характера, для привлечения к своей общественно полезной деятельности большего числа населения и активизации его гражданской позиции, для выхода на новые целевые группы и партнеров [там же, с. 34].

Из-за традиционной сложившейся в нашей стране доминирующей роли государства в решении социальных вопросов (как «социального гаранта») на местах часто складывается излишняя бюрократичность, неэффективность оценки социальных инициатив гражданского сектора, инертность государственных структур в выявле-

нии наиболее приоритетных социальных нужд, сборе актуальных статистических данных, подкрепленных реальным ситуационным анализом, открытости к сотрудничеству с другими секторами. Выделяемые средства финансовой поддержки часто расходуются на местах не в соответствии с планами социальной инициативы, а по указанию государственных структур как в связи с уже вышеотмеченной доминантой государства, так и отсутствием у сектора НКО опыта, сложившихся традиций социальной деятельности и отработанных на практике механизмов реализации социальных программ и проектов. Тем не менее, российское общество, ориентируясь на зарубежный опыт, постепенно приходит к пониманию того, что государство не должно брать на себя решение всех его проблем и должно стремиться к их делегированию в рамках межсекторного взаимодействия, консолидации усилий и передачи исполнения все более значительной части общественно значимых услуг негосударственным организациям на региональном, муниципальном и локальном уровнях для более прицельной реакции на существующие проблемы [Библиотека лучших практик..., 2007, с. 66].

В связи с этим присутствует актуальная потребность в разработке и имплементации национально адаптированных механизмов, апробации в реальных местных условиях технологий и форм взаимодействия власти с институтами гражданского общества при организации моделей межсекторного социального партнерства с целью выявления наиболее продуктивного, ситуационно обусловленного методического инструментария, подходящего для конкретной территории с учетом ее социально-экономической, социокультурной и другого рода специфики. При этом еще раз подчеркнем, что отечественная методология в исследуемой области, в отличие от западных образцов, на многие из которых она остается преимущественно ориентированной и сегодня, начала формироваться лишь в период становления рыночных отношений, в конце XX в., при достаточно низком уровне социализации личности и социальной активности, гражданского сознания населения, уровень которых и в настоящий момент остается недостаточным и требует активизации. При этом целесообразность имеет разработка и реализация отечественной методологии, ее апробация в вышеобозначенной области на

горизонтальном уровне, с дальнейшей проекцией и тиражированием наиболее результативных образцов по вертикали — с местного на региональный и далее на федеральный уровни. Это предполагает необходимость роста числа социально ориентированных НКО на местах, ориентированных на профессиональное оказание услуг в социальной сфере и объема их поддержки со стороны государственных структур.

Подобное развитие двухсекторного взаимодействия способно привести к росту количества профессионально действующих, социально ответственных организаций и движений, программ и проектов на местах, которые будут создавать рабочие места, привлекать инвестиции в социальную сферу, оказывая при этом синергетический положительный эффект на социально-экономическую ситуацию в российских регионах и муниципальных образованиях [Акопова, 2011, с. 102]. Расширение числа НКО, участвующих в оказании социально значимых услуг, создание ситуационно-обусловленных, практико-ориентированных, прозрачных сценариев сотрудничества с государственными органами на местах позволит повысить эффективность использования выделяемых общественных и финансовых ресурсов, активно внедрять в практику инновационные социальные технологии, в том числе с учетом перспективного зарубежного опыта, «более активно привлекать инвестиции для развития объектов социальной инфраструктуры с участием третьего сектора — местных бизнес-структур», а также вовлекать большее число граждан «к участию в разработке и реализации социальных инициатив в рамках профессионально организованных НКО как формы самоорганизации общественно активного населения» [Вассаро, 2006; Молокова, 2014].

Для разработки и реализации наиболее результативного варианта развития двухсекторной модели социального управления, направленной на решение конкретных социальных задач, необходимым является развитие механизмов социального партнерства (МСП), непосредственно отвечающих современному российскому социальному контексту в целом и его специфике в регионах и на местах, в частности, демонстрирующих демонстрировали открытость адаптации к конкретным условиям, а также современной социальной политике страны. Такой системный

методологический подход предполагает учет социологического содержания феномена двухсекторного взаимодействия и позволяет осуществлять разработку практико-ориентированных, регионально- и локально-ориентированных, узкоспециализированных моделей социального партнерства.

Ведя речь о перспективных МСП в региональном и муниципальном измерении, опираясь на исследования специалистов [Киричек, 2015; Киричек, 2017; Социальные технологии., 2018; Куликова, 2015; Intersectoral Cooperation, 2000], следует, в первую очередь, обратиться к конкурсным механизмам. В их числе: «механизмы социального заказа уровня субъекта РФ, муниципальный и региональный социальный заказ, муниципальные социальные гранты и гранты субъекта РФ, тендеры, конкурсы социальных проектов, гражданских инициатив НКО и др.» [Куликова, 2015]. И если грантовый, тендерный, проектный инструмент приобретает в российской практике все более активное использование в сфере межсекторного взаимодействия в решении социальных проблем (хотя эта распространенность более свойственна региональному уровню), то тот же социальный заказ как механизм МСП во взаимодействии с НКО, к сожалению, используется достаточно редко (чаще всего в числе партнеров здесь выступает бизнес-сообщество).

Следует также обратить внимание на социально-технологические механизмы двухсекторного взаимодействия власти и общества. В основе партнерства в данном случае лежит определенная социальная технология, отличающаяся по эффективности использования ресурсов и качеству результатов: организация паллиативной помощи, внедрение института профессиональных приемных семей, проведение социальных экспертиз и осуществление гражданских действий по защите окружающей среды; развитие специальных моделей реабилитации детей с особенностями развития, а также отдельных групп населения (например, испытывающих различного рода аддикции); создание реабилитационных пространств для несовершеннолетних детей группы риска и др.

Следует отметить, что достаточно высокая степень распространенности в сфере двухсекторного сотрудничества наблюдается при использовании процедурно-переговорных механизмов, которые формируются на базе правил сотру-

дничества при решении различных актуальных социальных задач. Под данными механизмами в нашей статье подразумеваются «правила и процедуры, оформленные на местном законодательном уровне; создание различного рода общественных палат, общественных парламентов, слушаний, собраний общественности, комитетов, форумов граждан, организация «круглых столов», координационных советов и т. д.» [Киричек, 2017; Куликова, 2015] Во многих случаях следующим шагом развития данных МСП выступают организационно-структурные механизмы, когда «власть (вместе с НКО) образует организационную структуру, которой делегируется часть функций по решению социально значимых задач через вовлечение граждан при финансовой поддержке со стороны власти» [Куликова, 2015]. В рамках реализации данных МСП на различных территориях нашей страны можно наиболее часто наблюдать такие типы оргструктур, как центры социального партнерства, центры досуга, центры общественных объединений. При этом, к сожалению, практически не формируются такие значимые для развития отечественной методологии межсекторного взаимодействия структуры, как, например, центры и инкубаторы инноваций социальной сферы и т. д., что требует, на наш взгляд, особого внимания к данной проблеме.

Надо отметить, что достаточно широкое распространение в России в настоящий момент среди используемых МСП приобрели и комбинированные механизмы двухсекторного взаимодействия. Это чаще всего ярмарки НКО, социальных проектов и услуг. При этом в данной категории еще, к сожалению, практически не задействованы такие механизмы, как создание фондов местного сообщества и их развития на базе общественно активных школ, которые объединяют черты конкурсных, технологических и оргструктурных механизмов, выступая катализатором повышения эффективности методологии межсекторного взаимодействия. Так, по состоянию на 2020 г., в нашей стране, по данным Партнерства фондов местного сообщества РФ ([URL: http://p-cf.ru](http://p-cf.ru)) их создано чуть более 50 единиц, что следует оценить как крайне небольшую цифру с учетом численности населения и географической протяженности нашего государства.

Таким образом, на основе вышесказанного можно сделать вывод о том, что пока еще в рос-

сийских условиях можно наблюдать, скорее, начальную стадию развития механизмов двухсекторного социального взаимодействия. Пока речь идет, скорее, об их экстенсивном, чем интенсивном, качественном росте, когда наблюдается переход к более сложным, комплексным механизмам, обеспечивающим обогащение национальной методологии межсекторного социального партнерства. В пользу данного аргумента свидетельствует и уровень наблюдающегося типа взаимодействия между двумя секторами, который, скорее, пока отвечает характеристикам феномена созависимости НКО от органов власти, чем уровня полноценного партнерства и солидарного разделения ответственности за реализуемую деятельность, разрабатываемую и внедряемую методологию и результаты, направленные на решение социально значимых задач.

В подобных обстоятельствах важнейшим условием повышения эффективности двухсекторного сотрудничества на местах является корреляция соответствующих форм НКО, отвечающих конкретным региональным, муниципальным и локальным социальным потребностям, с развитием соответствующих направлений, МСП и форм поддержки. Анализ актуальной российской методологии и практики в сравнении с зарубежным опытом в исследуемой области показывает, что в настоящее время наше государство испытывает особую потребность в появлении таких социально ориентированных некоммерческих организаций (СО НКО) как основных представителей гражданского сектора, взаимодействующего с властью в ходе решения социально значимых проблем, как: предоставляющих реальные услуги четко определенной целевой группе; реализующих конкретные мероприятия для ряда целевых групп или слоев населения; оказывающих «ресурсные услуги» (образование, содействие в социальном управлении и пр.). Таким образом, речь идет об узконаправленном методическом подходе, который позволяет использовать общественный ресурс при взаимодействии с органами власти более прицельно для так называемого «точечного» и комплексного реагирования на конкретную проблему или даже задачу, не расходуя и без того немногочисленные ресурсы и средства на непосильные и слишком масштабные задачи, которые часто оказываются не по силам небольшим общественным организациям

и структурам, действующим на отдельных территориях. На наш взгляд, данный фактор должен выступать, в частности, одним из важнейших критериев применения тех же конкурсных механизмов, обуславливающих выделение финансовых и другого рода средств поддержки для СО НКО. Между тем, как известно, в российских условиях сегодня очень часто наблюдается функционирование подобных организаций, задачи которых сформулированы слишком широко, например, от культурно-досуговых мероприятий, до мер социальной поддержки и профессиональной реабилитации, образовательной деятельности и т. д. При этом столь же широкой может быть и перечень охватываемых одной НКО категорий — от детей и молодежи групп риска, аддиктивных подростков, малообеспеченных семей, детей с особенностями развития, до пожилых и инвалидов старшего возраста и т. д. Подобный подход существенно снижает качество и продуктивность межсекторного взаимодействия при решении актуальных проблем местного сообщества, нивелируя возможные «точки роста» и социальной стабильности. В результате межсекторное взаимодействие осуществляется на местах неравномерно и хаотично, недостаточно технологично, т. е. без соблюдения надлежащей, запланированной и декларированной социально-управленческой технологии или с ее нарушением, без встраивания в так называемые «технологические цепочки», обеспечивающие устойчивое и системное решение социальной проблемы, дальнейшее тиражирование опыта [Социальные технологии, 2018, с. 22].

Ведя речь о коррелирующих формах поддержки, следует упомянуть необходимость развития в их числе не только таких, как финансовая, имущественная (выделение помещений и т. д.) форм, но и также таких не менее важных направлений, как информационная, консультационная поддержка, для осуществления которых органы власти на местах обладают более значительными ресурсами и механизмами влияния (на те же СМИ), а также пока еще мало задействованных в российской практике, но крайне продуктивных форм, как помощь в организации и финансировании подготовки, повышения квалификации сотрудников и волонтеров СО НКО с целью роста уровня их профессионализма, а значит и качества методологических подходов

к решению социально значимых задач, предоставление подобным организациям на местах налоговых льгот за счет компенсаций из местного бюджета. Для выделенной нами третьей группы некоммерческих организаций («ресурсные услуги») особое значение имеет приоритетное размещение у них заказов на поставки товаров, выполнение работ и услуг для государственных и муниципальных нужд, что не только позволяет делегировать часть обязательств государственного сектора, но и повысить доверие населения к подобным организациям как социальным гарантам, заинтересованность общества в участии в их инициативах, гражданскую активность.

Таким образом, подводя итог вышесказанному, можно констатировать, что для преодоления сложившихся препятствий на пути развития национальной методологии межсекторного взаимодействия между властью и обществом при решении социально значимых проблем и для более широкого и глубокого горизонтального, интенсивного развития МСП на российских территориях необходимо дальнейшее повышение профессионализма участников такого взаимодействия

со стороны как сектора власти, так и гражданского сектора, преодоление информационного вакуума, инертности, консервативного подхода, затрудняющих многосторонний обмен передовым опытом и продуктивной методологией как между представителями различных секторов, так и между регионами, привлечение к ее разработке ресурсов национальных и локальных научно-исследовательских и образовательных организаций и учреждений, преодоление закрытости СО НКО и органов власти с целью перехода от модели со-зависимости к модели социального партнерства и солидарной ответственности. Необходимой является и устойчивая государственная поддержка процессов углубления и расширения научно-методологических изысканий в сфере методологии межсекторного взаимодействия, нацеленная на стратегическую перспективу. Это позволит повысить качество ресурсов социального управления, перейти от ведущегося в настоящий момент на местах двухсекторного взаимодействия методом проб и ошибок без должной технологической проработки к профессиональной кооперации в сфере социального управления.

Список источников

1. Аكوпова, 2011 — Аكوпова К. К. Модернизация социально-партнерских отношений государства с некоммерческими организациями / К. К. Аكوпова, В. М. Васильчикова, Л. Я. Чикарина // Труд и социальные отношения. 2011. № 11. С. 100–105. ISSN: 2073-7815.
2. Библиотека лучших практик..., 2007 — Библиотека лучших практик в области взаимодействия гражданского общества и власти на региональном и местном уровне / Под редакцией А. Г. Акрамовской. Москва : Гриф и К, 2007. 388 с.
3. Грищенко, 2020 — Грищенко Ю. И. Межсекторное социальное партнерство: НКО, государство, бизнес // Некоммерческие организации в России. 2020. № 5. С. 33–37. ISSN: 1814-8484.
4. Киричек, 2017 — Киричек А. И. Механизмы взаимодействия власти с субъектами гражданского общества при организации межсекторного социального партнерства в субъектах РФ / А. И. Киричек // Известия Дальневосточного федерального университета. Экономика и управление = The bulletin of the Far Eastern Federal University. Economics and Management. 2017. № 3. С. 44–58. DOI: 10.24866/2311-2271/2017-3/44-58.
5. Киричек, 2015 — Киричек А. И. Развитие и поддержка социально ориентированных организаций в Приморском крае : Монография / А. И. Киричек, А. И. Шпак. Владивосток : Приморский филиал РАНХиГС, 2015. 190 с.
6. Куликова, 2015 — Куликова Н. В. Межсекторное социальное партнерство в решении социальных проблем: определение, механизмы и лучшие практики : [Презентация] / Н. В. Куликова. 53 с. URL: http://mentoring.kom20.ru/assets/files/biblio/p_10.pdf. Дата публикации 26.06.2015.
7. Молокова, 2014 — Молокова М. А. Взаимодействие власти и гражданского общества в контексте трансформации российского общества: от конфронтации к партнерству : Монография / М. А. Молокова [и др.]. Курск : ЮЗГУ, 2014. 426 с. ISBN: 978-5-7681-0975-2
8. Сидорова, 2009 — Сидорова Е. Н. Межсекторное взаимодействие как фактор гармонизации социальных отношений в регионе : диссертация ... кандидата социологических наук : 22.00.04 / Е. Н. Сидорова. Саранск, 2009. 171 с.

9. Социальные технологии., 2003 — Социальные технологии межсекторного взаимодействия в современной России : Учебник / А. С. Автономов [и др.]. Москва : Фонд НАН, 2003. 416 с. ISBN: 5-88516-042-2.
10. Baccaro, 2006 — Baccaro L. Civil Society Meets the State: Towards Associational Democracy // *Socio-Economic Review*. 2006; 4(2): 185–208. ISSN: 1475-1461. DOI: 10.1093/SER/mwj031.
11. Intersectoral Cooperation, 2000 — Intersectoral Cooperation: Lessons For Practice / A. Kalegaonkar, L. Brown // *IDR Reports*. 2000. Vol. 16, no. 2. 28 p. URL: pdf.usaid.gov/pdf_docs/PNACP367.pdf.

References

1. Akopova K. K. Modernizatsiya sotsial'no-partnerskikh otnosheniy gosudarstva s nekommercheskimi organizatsiyami [Modernization of social-partner relations between the state and non-profit organizations]. K. K. Akopova, V. M. Vasilchikova, L. Ya. Chikarina. *Trud i sotsial'nyye otnosheniya* [Labor and social relations]. 2011; 11: 100–105. ISSN: 2073-7815 (in Russ.).
2. *Biblioteka luchshikh praktik v oblasti vzaimodeystviya grazhdanskogo obshchestva i vlasti na regional'nom i mestnom urovne* [Library of best practices in the field of interaction between civil society and government at the regional and local level]. Edited by A. G. Akramovskaya. Moscow : Grif i K Publ., 2007. 388 p. (in Russ.).
3. Grishchenko Yu. I. Mezhsektornoye sotsial'noye partnerstvo: NKO, gosudarstvo, biznes [Intersectoral social partnership: Non-profit organizations, government, business]. *Nekommercheskiye organizatsii v Rossii* [Non-profit organizations in Russia]. 2020; 5: 33–37. ISSN: 1814-8484 (in Russ.).
4. Kirichek A. I. Mekhanizmy vzaimodeystviya vlasti s sub"yektami grazhdanskogo obshchestva pri organizatsii mezhsektornogo sotsial'nogo partnerstva v sub"yektakh RF [Mechanisms of interaction between the authorities and civil society actors in the organization of intersectoral social partnership in the constituent entities of the Russian Federation]. A. I. Kirichek. *The bulletin of the Far Eastern Federal University. Economics and Management*. 2017; 3: 44–58. DOI: 10.24866/2311-2271/2017-3/44-58 (in Russ.).
5. Kirichek A. I. *Razvitiye i podderzhka sotsial'no oriyentirovannykh organizatsiy v Primorskom kraye* [Development and support of socially oriented organizations in the Primorsky Territory]. A. I. Kirichek, A. I. Shpak. Vladivostok : Primorsky branch of RANEPА Publ., 2015. 190 p. (in Russ.).
6. Kulikova N. V. *Mezhsektornoye sotsial'noye partnerstvo v reshenii sotsial'nykh problem: opredeleniye, mekhanizmy i luchshiyе praktiki* [Intersectoral social partnership in solving social problems: definition, mechanisms and best practices] : [Presentation]. N. V. Kulikova. 53 p. URL: http://mentoring.kom20.ru/assets/files/biblio/p_10.pdf. Date of publication 06/26/2015 (in Russ.).
7. Molokova M. A. *Vzaimodeystviye vlasti i grazhdanskogo obshchestva v kontekste transformatsii rossiyskogo obshchestva: ot konfrontatsii k partnerstvu* [Interaction between the authorities and civil society in the context of the transformation of Russian society: from confrontation to partnership]. M. A. Molokova [et al.]. Kursk : YuZGU Publ., 2014. 426 p. ISBN: 978-5-7681-0975-2 (in Russ.).
8. Sidorova E. N. *Mezhsektornoye vzaimodeystviye kak faktor garmonizatsii sotsial'nykh otnosheniy v regione* [Intersectoral interaction as a factor of harmonization of social relations in the region] : dissertation ... candidate of sociological sciences : 22.00.04. E. N. Sidorova. Saransk, 2009. 171 p. (in Russ.).
9. *Sotsial'nyye tekhnologii mezhsektornogo vzaimodeystviya v sovremennoy Rossii* [Social technologies of intersectoral interaction in modern Russia] : Textbook / A. S. Avtonomov [et al.]. Moscow : NAS Foundation Publ., 2003. 416 p. ISBN: 5-88516-042-2 (in Russ.).
10. Baccaro L. Civil Society Meets the State: Towards Associational Democracy. *Socio-Economic Review*. 2006; 4(2): 185–208. ISSN: 1475-1461. DOI: 10.1093/SER/mwj031.
11. Intersectoral Cooperation: Lessons For Practice. A. Kalegaonkar, L. Brown. *IDR Reports*. 2000. 16(2): 28 p. URL: pdf.usaid.gov/pdf_docs/PNACP367.pdf.

Информация об авторах:

Зотов Владимир Борисович — профессор, доктор экономических наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления, ФГБОУ ВО «Государственный университет управления» (ГУУ), Рязанский пр-т, 99, Москва, 109542, Россия. Researcher ID: C-9997-2019; SPIN-код: 2655-8236; Author ID (РИНЦ): 328108.

Терехова Кристина Олеговна — аспирант кафедры государственного и муниципального управления ГУУ. SPIN-код: 9989-2211; Author ID (РИНЦ): 1081080.

Information about the authors:

Zotov Vladimir B. – Professor, Doctor of Sci. (Econ.), Professor of the Department of State and Municipal Administration, State University of Management, 99 Ryazanskiy prospekt, Moscow, 109542, Russia. Researcher ID: C-9997-2019; SPIN-code: 2655-8236; Author ID (RCSI): 328108.

Terekhova Kristina O. – postgraduate student of the Department of State and Municipal Administration, State University of Management. SPIN-code: 9989-2211; Author ID (RCSI): 1081080.

*Статья поступила в редакцию 20.10.2020; одобрена после рецензирования 03.03.2021; принята к публикации 03.03.2021.
The article was submitted 10/20/2020; approved after reviewing 03/03/2021; accepted for publication 03/03/2021.*